

Богословско-историческая коллекция
**Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России**

Петухов А., свящ.

**К СТАТЬЕ ПРОТ. А. МЕНЯ
«К ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
БИБЛЕИСТИКИ»**

Электронное издание

© Петухов А., свящ.

Москва, 2014

Священник
Алексей Петухов

К статье прот. А. Меня «К истории русской православной библеистики»

Исследование покойного прот. Александра Меня (1935-1990) «К истории русской православной библеистики» вышло на страницах официального научного издания Русской Православной Церкви «Богословские труды» в 1987 году – всего за три года до трагической кончины автора. Как и многие другие труды прот. Александра данная работа, несомненно, отражает в себе энциклопедическую образованность церковного ученого. Нельзя не учитывать, что данный очерк составлялся в весьма непростое время для развития всего русского богословия в целом. На наш взгляд, и по сей день данное исследование в своей историографической части не потеряло своей актуальности и может быть рекомендовано как учебное пособие для занятия библейскими дисциплинами.

Однако, писать много и без всякой укоризны – удел далеко не всех. Примечательно, что вселенские учителя и святители Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст названы *вселенскими* не только в силу обширности своих творений и их распространенности в христианской ойкумене, но и в значительной степени по той причине, что практически весь корпус творений данных авторов отражает собою Священное Предание. Рассматриваемое нами исследование прот. А. Меня кроме ценной информации по истории русской библеистики содержит в себе ряд погрешительных мыслей вероучительного и богословского характера, которые, на наш взгляд, стоит учесть при ее изучении. Цель данного очерка – показать эти погрешности, не зачеркивая ее положительного значения в области историографической.

Основные принципы русской библеистики

Прот. А. Меня справедливо отмечает, что «русская библеистика проложила собственные пути и выработала собственные фундаментальные принципы»¹. Таких принципов полагается три: ориентация на *патристическое наследие, учение о богодухновенности Св. Писания*², *церковность русской библеистики*³.

¹ Прот. А. Меня. К истории русской православной библеистики // Богословские труды, № 28, с. 272

² Собственно говоря, Меня поставляет вторым принципом «Богочеловечность» Св. Писания, что является в свою очередь толкованием принципа богодухновенности Св. Писания представителями «новой исагогики».

³ Прот. А. Меня. Указ. соч. С. 272-273

А. Патристическое наследие

Не касаясь неточности автора при рассмотрении первого из заявленных принципов (поставление анафематствованного тремя подряд Вселенскими Соборами – V, VI и VII – Оригена в ряд Отцов Церкви⁴) заметим, что при рассмотрении данного принципа наблюдается смешение двух понятий: святоотеческого отношения к прикладным методам библейского исследования и собственно принципа толкования Св. Писания, получившего в богословской науке название *consensus partum*. Этот принцип получил свое выражение в 19 правиле VI Вселенского Собора: «Аще будет изследуемо слово Писания, то не инако да изъясняют оное, разве как изложили светила и учителя Церкви в своих писаниях, и сими более да удостоверятся, нежели составлениям собственных слов, дабы, при недостатке умения в сем, не уклониться от подобающего»⁵. И хотя данное правило относится собственно к церковной проповеди, сам принцип *consensus partum* является основополагающим принципом библейских экзегетических исследований. В соответствии с этим, прот. Александр вполне справедливо приводит призыв святейшего патриарха Пимена «изъяснять Писание в духе святоотеческого толкования»⁶.

Иное дело – прикладные методы библейских исследований. Несомненно, что современная библеистика, как наука, многое теряет без привлечения широкого круга данных самых разнообразных наук: истории, библейской археологии, палеографии и др. В этом, несомненно, прот. Александр прав. Однако и здесь сделаем существенную оговорку. Святыми Отцами излагается учение о различных смыслах Св. Писания: «историческом» и «духовном» (типологическом, анагогическом, экклесиологическом, аллегорическом и др.), что в сущности и указывает на методологию библейского исследования. Примечательно, что при утверждении фактической достоверности историчности библейского текста, в святоотеческой экзегезе нетрудно заметить превосходство духовного смысла над буквальным. В свете этого, замечания прот. А. Меня о принципиальной важности прикладных методов библейских исследований, а точнее рецепции данных внешних наук, в большей степени приложимы лишь к низшему «историческому» смыслу Писания, который Отцам вообще сам по себе был и не столь интересен (его и так все признавали). То есть, к экзегезе в святоотеческом ключе все эти открытия мало что добавляют, а несвойственный для патристической экзегезы крен в сторону буквализма в

⁴ См. Петухов А., свящ. Ориген в русской богословской дореволюционной литературе // CD диск «Вселенские соборы. Выпуск 2. Богословие Церкви эпохи Вселенских Соборов в трудах русских ученых. Часть 3. Христологические споры. Защита иконопочитания». СПб., Аксион эстин, 2010

⁵ Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, еп. Далматинско-Истринского. СПб., 1911, с. 490

⁶ Прот. А. Мень. Указ. соч., с. 272

ущерб духовному толкованию является, в сущности, одной из граней отказа от богодухновенности Св. Писания.

Прот. А. Мень пишет о необходимости следовать «не букве, а духу патристики, перед которой стояла насущная проблема: допустима ли в христианстве рецепция⁷ элементов светской культуры. В целом Отцы Церкви дали на этот вопрос позитивный ответ. Многие из них были образованнейшими людьми своего времени, хорошо знакомыми с античной литературой, историографией, филологией и философией и использовали свои знания в экзегетике»⁸. Заметим, что, по мысли о. Павла Флоренского, культура есть производная культа⁹, так что подобное «усвоение», если отталкиваться от мысли Флоренского¹⁰, само по себе есть процесс «обратного хода». Использование наработок внешних наук в библеистике допустимо, но необходимо при этом соблюдать искусную разборчивость, в противном случае можно «с водой выплеснуть и ребенка». При изучении и толковании Св. Писания необходимо учитывать принципиальное отличие библейского текста от всего остального корпуса даже святоотеческой

⁷ Архим. Рафаил (Карелин) замечает: «Слово «рецепция» приведено прот. А. Менем некорректно. Церковь не рецептировала ничего, не относящееся ее внутренней жизни и богословскому наследию. Что касается научных представлений своего времени, то святые Отцы не выдавали их за откровение, данное Церкви, а пользовались ими для общеобразовательных целей, особенно при обучении юношества. Рецептировать научные представления это в некотором смысле догматизировать их. Что же касается некоторых философских терминов, заимствованных из эллинистической философии, то и здесь не было рецепции. Они были переосмыслены – не усыновлены, а воцерковлены; в некоторых случаях они были взяты как уже сложившиеся формы, в которые святые отцы вложили новое содержание. Ряд терминов, взятых у Платона и Аристотеля, подверглись уточнению и дифференциации».

⁸ Прот. А. Мень. Указ. соч., с. 272

⁹ См.: Флоренский Павел, свящ. Философия культа. // БТ № 17, и в частности: «Культура, как показывает и этимология слова cultura от cultus, ядром своим и корнем имеет культ. Cultura как причастие будущего времени, подобно natura указывает на нечто развивающееся. Natura – то, что рождается присно, cultura – что от культа присно отщепляется, как бы прорастания культа, побеги его, боковые стебли его. Святыни – это первичное творчество человека; культурные ценности – это производные культа, как бы отселяющаяся шелуха культа, подобно сухой коже лукавничного растения... (С. 117)

¹⁰ Архим. Рафаил (Карелин) замечает: «Само по себе, это положение спорное, по крайней мере, упрощенное. Под влиянием хтонических сил произошло извращение и разложение культа, а уже из ложных культов произошла культура. Библия прямо указывает, что культура появилась в роде Каина, и полем ее действия стало пространство между землей и преисподней. Впоследствии, в связи с эмансипацией культуры, ее демонизм стал менее очевидным, как бы скрытым и стертым. Это слово, преобразившись, получило даже некое позитивное значение, однако векторы каинизма остались прежними».

Заметим, что cultus – от глагола colo, colui, cultum – «обрабатывать» что-то (например, «землю», отсюда «земледелец» – agricola), «ухаживать» за чем-то, а также (лишь в ряду прочих) оказывать религиозное почтение чему-то. Поэтому в заявленной о. Павлом оппозиции natura – cultura при верной мысли, что первое – природное, второе – искусственное, вовсе необязательно это искусственное непременно связывать с религиозным «культом». О. Павел, как известно, хочет оправдать светскую («профанную») «культуру», глубинно связав ее с «сакральной». Возможно, это одно из проявлений соловьевского «всеединства» и «софиологии».

литературы. Этим принципиальным отличием является понятие о богодухновенности Св. Писания.

Б. Богодухновенность Св. Писания

Прот. А. Мень соотносит понятие «богодухновенности» Св. Писания с патристикой: «С патристикой теснейшим образом связана и вторая черта нашей науки о Библии: признание Богочеловеческой природы Священного Писания»¹¹. Однако это соотнесение осуществляется странным образом. Учение о *Богочеловеческой* природе Св. Писания – в данном случае вывод, который не следует ни из одной из посылок¹². Естественным было бы увидеть подлинное согласие святых отцов по данному вопросу, хотя бы в лице вселенских учителей. Тогда можно было бы смело подводить черту под такими рассуждениями, как это делает исследователь: «Таким образом, верность духу патристики вела к признанию выводов новой исагогики [учению о Богочеловеческой природе Св. Писания – свящ. А.П.] и решительно устраняла фундаменталистский соблазн»¹³. Соблазн, если это действительно соблазн, должен быть устранен, но при этом желательно все-таки следовать общепризнанным в науке методам.

Прот. А. Мень в качестве учения о богодухновенности Св. Писания полагает вовсе не святоотеческое учение, а наиболее ярко сформулированный известным богословом и историком А.В. Карташовым принцип, как это замечает исследователь, «новой исагогики»: «Поскольку святоотеческая мысль утвердила положение о полноте действия естественной [разрядка наша – свящ. А.П.] человеческой психики и об отражении ее в самых писаниях священных авторов, постольку догматически оправданы и узаконены и те методологические операции над текстом и содержанием Библии, которые требуются научным знанием. Критическая работа тут уместна потому, что она прилагается к подлежащему ее ведению человеческому элементу: он здесь полностью дан. Дан, ибо Библия есть не только слово Божие, но и слово богочеловеческое... Стало быть, формула «Бог – автор священных книг» должна звучать как монофизитский уклон в сторону от нашего халкидонского Православия»¹⁴. Рассмотрим первоначально истоки этого «святоотеческого» учения. Нам не придется заглядывать в симфонии святоотеческих творений, весь материал

¹¹ Прот. А. Мень. Указ. соч., с. 272

¹² Имеется ввиду классическая структура силлогизма по Аристотелю: большая посылка, меньшая посылка и заключение.

¹³ Прот. А. Мень. Указ. соч., с. 273

¹⁴ Прот. А. Мень. Указ. соч., с. 273

обнаружится под рукой – в самой статье прот. Александра, хотя и раскидан он в разных ее частях.

Исследователь пишет: «Первым связал концепцию боговдохновенности с Халкидонским догматом Богочеловечества... Владимир Соловьев (1852-1905)»¹⁵. Заметим, попутно, что Халкидонский догмат говорит не о «Богочеловечестве», а о соединении божественного и человеческого естеств в лице Богочеловека, что далеко не равнозначно, учитывая философское направление мысли Соловьева¹⁶. Прот. А. Мень отмечает: «В 1905 году профессор МДА Сергей Глаголев (1865— 1937) писал: «Божественная мысль в Библии изложена человеческим языком, не только нации и эпохи, но языком индивидуума — языком Исайи, Иеремии, Павла, Иоанна». Сочетание этих двух аспектов понималось в свете православного учения о синергизме небесного и земного»¹⁷. Не имея ничего против очевидного замечания известного русского библеиста С. Глаголева, отметим лишь, что вывод о «синергизме небесного и земного» принадлежит, все-таки, не ему.

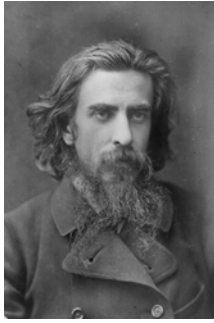
Прот. Александр продолжает: «Позднее русские толкователи усматривали здесь прямую аналогию с догматом IV Вселенского Собора о Богочеловечестве Иисуса Христа. В тезисах, представленных на I Конгресс православных богословов (Афины, ноябрь 1936 г.), Борис Иванович Сове (1899—1963) писал: «Механически-буквальное понимание боговдохновенности священных книг — достояние иудейского и консервативного протестантского богословия — не может быть защищено православными богословами, как уклоняющееся в своего рода «монофизитство», а должно быть исправлено в свете Халкидонского догмата о Богочеловечестве. Участие в написании Библии человеческого элемента с его ограниченностью объясняет особенности ветхозаветных книг как исторических источников, их ошибки, анахронизмы, [разрядка наша — свящ. А.П] которые могут быть исправлены внебиблейскими данными, обогатившимися особенно в последние десятилетия историей Древнего Востока. Ложный апологетический взгляд на Библию как энциклопедию исторических и естественных наук должен быть оставлен. Ветхозаветные боговдохновенные писатели — прежде всего богословы и законоучители. С этой точки зрения надлежит рассматривать учение о творении мира, о всемирном потопе и т. д. Сущность Библии в ее богословии»¹⁸.

¹⁵ Прот. А. Мень. Указ. соч., с. 283

¹⁶ Имеются ввиду его известные лекции о Богочеловечестве, впрочем, как и другие труды.

¹⁷ Прот. А. Мень. Указ. соч., с. 273

¹⁸ Прот. А. Мень. Указ. соч., с. 273

В.С. Соловьев (1852-1905)

А.В. Карташов (1875-1960)

Б.И. Сове (1899—1963)

Итак, В.С. Соловьев, Б.И. Сове и А.В. Карташев – вот подлинные авторы этой новой концепции богодухновенности в русской библеистике. Насколько нам известно, вопрос о канонизации ни одного из этих авторов до сих пор не поднимался. Поэтому утверждение прот. А. Меня о связи данной концепции с патристикой повисает в воздухе.

Отметим еще раз, что наиболее ярко и последовательно новое учение о богодухновенности сформулировано у А.В. Карташева. Этот русский богослов и общественный деятель известен прежде всего как автор серьезных трудов по общецерковной истории и истории Русской Церкви¹⁹. Однако мало кто знает, что степень доктора богословия была присвоена ему вовсе не за исторические труды, а за исследования в области библеистики Ветхого Завета, основные положения которых были выражены в актовой речи в Свято-Сергиевском Парижском богословском институте, произнесенной 13 февраля 1944. Эта речь, вышедшая через три года отдельной книгой («Ветхозаветная библейская критика», Париж, 1947), произвела смущение в академических кругах. «На нее, — пишет еп. Кассиан (Безобразов), — болезненно реагировал и такой бесстрашный человек, как покойный митрополит Евлогий»²⁰. В рамки настоящего очерка не входит задача богословского анализа данной речи Карташова (именно ее и цитирует прот. А. Мень). Заметим лишь, что в ней со всей силой своего мощного литературного таланта маститый ученый точно стопудовым молотом рушит столпы отечественной дореволюционной библеистики, покоящиеся, действительно, на патристическом синтезе.

Приведем характерное признание самого А.В. Карташева: «По собственному опыту знаю, что усвоение выводов библейской критики может стоить десятилетий духовных борений, «ума холодных размышлений» и «сердца горестных замет»²¹. Иногда стоит прислушиваться к замечаниям собственного сердца. В противном случае можно за массой отягчающих ум

¹⁹ Очерки по истории Русской Церкви. I-II тт., Париж, 1959; Вселенские Соборы. Париж, 1963. Примечательно, что и в этих трудах проглядывается приверженность Карташева либеральной западной науке рубежа веков.

²⁰ Кассиан (Безобразов), еп. Антон Владимирович Карташев // Православная мысль. 1957. Вып. 11

²¹ Карташев А.В. Ветхозаветная библейская критика, Париж, 1947. С. 65

научных знаний и вовсе потерять богословский камертон и чувство элементарного благоговения перед Св. Писанием. Нетрудно почувствовать стиль богословского опуса Карташева, лишенного местами элементарного приличия. Так, он пишет, как о гиперболах и фантазиях, о чуде остановке солнца, описанной в книге Иисуса Навина: «В сражении под Гаваоном I. Навина с Амморейями, когда остановлено было солнце (I. Нав. 10, 15), чтобы одной кучке сражающихся было удобно добить другую, вовсе не нужно было беспокоить небесные светила и нарушать всю небесную механику. Это просто язык народной поэзии»²². Заметим, что святые Отцы, да и не только они, по-другому толковали данное место Св. Писания²³. Характерны упоминание о пророках, как об «энтузиастах»²⁴, а то и вовсе откровенная хула на святых: пророк Давид, наконец, «догадывается» перенести ковчег Завета «в свое иерусалимское новоселье», пророки не понимают полный смысл своих пророчеств. Богословский анализ Актовой речи А.В. Карташева – дело ближайшего, надеюсь, будущего; это задача, требующая определенного богословского потенциала, равно как и привлечения данных различных библейских наук.

Оставим на время «основоположников» современной русской библеистики и посмотрим, что говорили о богодухновенности Св. Писания святые Отцы.

Свт. Григорий Богослов († 389) Свт. Иоанн Златоуст († 407) Блаж. Августин Иппонский († 430)

Их отношение к священным книгам резко контрастирует с подходом Карташева. Исследователь богословского наследия свт. Григория Богослова прот. Н. Виноградов пишет, что главными источниками и основаниями в деле богопознания и христианского знания вообще были для свт. Григория

²² Карташев А.В. Ветхозаветная библейская критика, Париж, 1947. С. 40

²³ См. Толковую Библию Лопухина: <http://lopibible.narod.ru/jos/txtjos10.htm> Ст. 13-14

²⁴ Энтузиаст – увлекающийся какой-либо идеей. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 4. С.-Петербург-Москва, 1909. С. 1536

Богослова Св. Писание и церковное Предание. «Я *выслушал* свое учение, – говорит он в одном месте, – в слове Божиим и научился у св. Отцов»²⁵.

Для уяснения подлинно церковного учения о богодухновенности посмотрим, как учили об этом предмете веры два великих учителя Восточной и Западной Церкви: свт. Иоанн Златоуст и блаж. Августин Иппонский. Русская библейская наука, как не пытается ее уничтожить Карташев²⁶, в лице своих дореволюционных ученых дала достаточно исчерпывающее учение по этому вопросу.

Свт. Иоанн Златоуст – лучший толкователь Св. Писания. Его толкования стали классикой церковной экзегезы, именно на него ссылаются даже инославные библеисты для подтверждения своих богословских штудий. Как же смотрел этот великий библеист на богодухновенность Св. Писания?

Д. Леонардов пишет: «Боговдохновенность обыкновенно служит для Златоуста необходимою, априористическою точкою отправления для всякого практического исследования св. текста Библии. Св. Писание для него есть Писание „κατὰ ἐξοχήν“²⁷, Писание божественное²⁸. В нем содержится божественная философия, предложена неизреченная божественная песнь²⁹, роса Св. Духа³⁰. В св. книгах дарованы людям письменна, нисшедшие с неба³¹, божественные мысли³², божественные слова, изречения, определения³³, глаголы высочайшего Царя³⁴. Как происшедшие чрез божественное вдохновение, св. писания суть слова Св. Духа, законы Духа³⁵, писания духовные τὰ πνευματικά³⁶.

Св. писатели представляются у Златоуста живыми одушевленными орудиями Духа Божия. Чрез св. писателей беседует с людьми Сам Бог³⁷, вещает Дух Святой³⁸. Как в Ветхом Завете Духе говорил устами пророков³⁹,

²⁵ Orat. XXXIII, contra Arian, et de seipso, n. 15, coi. 233. Виноградов Н, прот. Догматическое учение святого Григория Богослова. Магистерская диссертация. Казань, 1887. С. 163

²⁶ «Надо признать, – пишет он, – мы в восточной богословской науке до сих пор не удосужились разработать какую-нибудь точно сформулированную доктрину о богодухновенности». Карташев А.В. Ветхозаветная библейская критика, Париж, 1947. С. 67

²⁷ по преимуществу

²⁸ Здесь и далее ссылки приводятся по Леонардову. Contra anomoeos de incomprehensibili. Hom. II, 6 (M. XLVIII, 717)

²⁹ De mutatione nominum; IV; I (M. LI, 145); expos. in psalm XLVIII, I, (M. LV, 513).

³⁰ De utilitate lectionis scripturarum. (M. LI, 88).

³¹ Adversus oppugnatores eorum, qui in monasticam vitam inducunt (M. XLVII, 362)

³² Expos. in psalm XLVIII, I (M. LV, 499).

³³ Homiliae in cap. II, Senesi, XV. I XVI, 3 (M. LIII, 119, 121, 129), interpretat in Isaiam propheta: cap. I (M. LXI, 13).

³⁴ M. LI. 41.

³⁵ M. LI. 41 homil in Joann. III, 1 (LIX. 38).

³⁶ Expos in psalm. XLI (M. LV, 156).

³⁷ См. Migne, LI, 90.

³⁸ Homil, contra anomaeos: IV, 4, (M. XLVIII, 732).

³⁹ Hom XV, 2 in Genesin (M. LIII, 120).

так в Новом – апостолы не говорят нам ничего человеческого, но все из глубины Духа⁴⁰. Мысли, выражаемые боговдохновенными писателями в св. книгах, суть мысли Самого Бога⁴¹. Также и их изречения суть произведения не человеческого ума, размышления и сочинения, но божественной благодати⁴². Сам Господь как бы сопresentsует св. писателям, говорит их словами»⁴³.

Раскрывая мысли вселенского учителя касательно божественного воздействия на писателей священных книг, Леонардов пишет: «По вопросу о взаимоотношении божественного Вдохновителя и человека-писателя Златоуст решительно утверждает, что влияние Духа Божия было преобладающим, господствующим. Если св. писатель и может быть назван составителем св. книги, то это — постольку, поскольку „говорил в Духе Божиим" или: „поскольку Дух Божий говорил в нем"».

Человеческое, по представлению Златоуста, как бы заслонялось в св. писателях божеским. Св. писатели говорили не от самих себя, а по внушению благодати Духа⁴⁴. Лично от самих себя боговдохновенные писатели ничего не сообщили. Именно вдохновение от божественной и пренебесной благодати было источником содержания св. книг⁴⁵. Для научения рода человеческого св. писатели произносили своим языком только то, что им внушала благодать Духа⁴⁶. Поэтому, слова св. писателей скорее должны быть усвоены божественному Вдохновителю, чем им самим. Изрекали слова, излагали повествования, сообщали учения и прочее не св. писатели, например Малахия⁴⁷, ап. Павел⁴⁸, Моисей⁴⁹, Давид⁵⁰, св. Матфей⁵¹, но именно божественная благодать, Бог, Дух Божий, Христос чрез них, посредством их уст⁵². Именно чрез Духа Божия св. писатели, например, пророки, говорили то, что говорили⁵³. Св. писатель только предоставлял свой язык, а благодать Божия ясно научает чрез него человеческий род⁵⁴. Роль св. писателя была, следовательно, чисто служебной. Св. писатели не были

⁴⁰ Homil in Joann I (M. LIX, 26).

⁴¹ Expos. in psalm. VII. 7 (M. LV, 94).

⁴² Expos. in psalm XLVI (M. LV, 184).

⁴³ Леонардов Д. Учение св. Иоанна Златоустого о боговдохновенности Библии // Вера и разум, 1912, № 3, с. 344-376; № 4, с. 429-448; № 5, с. 606-627; № 7, с. 69-93; № 8, с. 185-205; № 9, с. 319-342; № 10, с. 464-480; № 11, с. 604-626; № 12, с. 737-758. С. 353-354

⁴⁴ In Gen. XIV, 2 (LIII, 112).

⁴⁵ In psalm. VII, 11 (M. LV, 57); in Isa. I, 1 (M. LVI, 13).

⁴⁶ In. Genesis: IV, 2 (LIII, 41).

⁴⁷ De libello vepudii: II, 2; n. 2 (M. LI, 220).

⁴⁸ De verbis ap.: XVI, 3 ep. ad Rom. (M. LI, 187); in Matth. XXIII, 1 (M. LVII, 307).

⁴⁹ In Gen. XX, 1 (M. LIII, 166).

⁵⁰ In psalm. CXLV, 2 (M. LV, 520).

⁵¹ In Matth. I, 1 (M. LVII, 20); in Gen. XV, 2 (M. LIII, 120) cap. II; LIV, 2; cap. XXVII (M. LIV, 473).

⁵² In Gen. VIII, 1; cap. 1 (M. LI, 78).

⁵³ In Matth. XII, 3 (M. LVII, 449).

⁵⁴ In. Gen. XXI, 1 (LIII, 176).

сочинителями в собственном смысле, а только служителями божественного слова, так как не сами производили сказанное ими, но только послужили сказанному⁵⁵»⁵⁶.

Вместе с тем, исследователь замечает, что «Златоуст был типичным представителем того умеренного вербализма, который имеет для себя точку отправления не в механической диктовке Св. Духом отдельных слов и изречений, а в органической, духовной связи в Библии слова и мысли»⁵⁷.

Весьма контрастно звучат после вышесказанного слова Карташева: «Прежде всего, надо благодарить Бога, что Православная Церковь не связана в выработке своей доктрины богодухновенности путями, в которых бьется латинская библейская наука. Триденский собор в свое время канонизовал весь текст старой латинской Вульгаты, а новый Ватиканский собор, повторяя и подтверждая это, мотивировал тем, что библейские книги; "написанные по вдохновению Духа Святого, имеют своим автором Бога" «propterea quod Spiritu Sancto inspirante conscripti, Deum habent auctorem» (Diet, de la Bib. Suppl. L. Pirot, t. I, p. 1030, Paris, 1928)... Что касается *грубой* формулы, что "Сам Бог — автор священных книг", то латинские библеисты дипломатически обязаны пестрить им свои критические работы, в то время, как самые эти работы построены на гораздо более тонкой дистинкции Фомы Аквинского между *revelatio* — откровение и только *inspiratio* — вдохновение»⁵⁸. Не разделяя решения католиков о канонизации Вульгаты⁵⁹, заметим, что если даже свт. Иоанн Златоуст попал в путы католического плена, то что уж не скажут представители «новой исагогики» о наших дореволюционных библеистах!

Для контраста учения представителей традиционной библеистики и отрицательной библейской критики приведем толкование Карташева и свт. Иоанна Златоуста на известный стих Псалтири: «Язык мой – трость книжника скорописца» (Пс. 44, 2).

А.В. Карташев: «Нельзя ссылаться на 2 ст. 44 псалма — "язык мой — трость книжника скорописца" в доказательство "диктата с неба" и автоматичности библейских писателей, ибо это сказано в порядке псаломной, стихотворной поэзии. Это условный метафорический язык, как и у нынешних поэтов, образно описывающих психологию творческих моментов в виде восприятия голоса муз и богов. Эта самохарактеристика поэтов

⁵⁵ Nom. de lectione Actorum. n. 3 (M. LI, 101).

⁵⁶ Леонардов Д. Учение св. Иоанна Златоустого о боговдохновенности Библии. С. 333-334

⁵⁷ Леонардов Д. Учение св. Иоанна Златоустого о боговдохновенности Библии. С. 616

⁵⁸ Карташев А.В. Ветхозаветная библейская критика, Париж, 1947. С. 67-68

⁵⁹ Этим решением закрепляется в обращении авторитетный церковный текст, созданный трудами великого библеиста — блаж. Иеронима Стридонского. Учитывая стремительный процесс секуляризации церковной жизни на Западе, несомненно, эта мера носила охранительный характер. Интересно, что русские церковные ученые относили боговдохновенность как к процессу написания текста, так и к его переводу (перевод LXX, например).

интересна нам тем, что она указывает на то место и на ту роль в естественном творчестве, какие может занять действие Духа Божия у писателя священной книги, ничуть не урезая и не подавляя его нормальной психики»⁶⁰.

Свт. Иоанн Златоуст. Д. Леонардов отмечает: «Особенно решительный и сильный оттенок имеют образы трости и пишущей ею руки, грифеля и скорописца. В этом отношении характерно замечание Златоуста о пророке Давиде: „Не трости приписывай письма, а руке, держащей ее, т. е. не языку Давида, а благодати, движущей этот язык“⁶¹. Ведь трость пишет только то, что приказывает рука, которая ее держит⁶²»⁶³.

Учение столпа Западной Церкви блаж. Августина Иппонского о богодухновенности Свящ. Писания также получило свой разбор в трудах отечественных исследователей. В трудах двух анонимных⁶⁴ авторов - Z. Учение блаженного Августина о богодухновенности Св. Писания // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1893, № 7, с. 68-92 и X-а И. Учение блаженного Августина о богодухновенности Священного Писания // Вера и разум, 1894, т. 1, ч. 1, с. 96-110 — раскрывается то же самое, традиционное святоотеческое учение блаж. Августина по данному вопросу.

Исследователь отмечает: «Блаженный Августин называет Священное Писание как бы некоторым рукописанием Бога (quoddam chyrographum Dei)⁶⁵, долженствующим пребывать во все времена; глаголом, излившимся из ума Божественного; словом, как бы продиктованным Духом Святым⁶⁶... Священные писатели, из рук которых, по воле Бога, вышли священные книги, но ему суть не более, как Его руки, писавшие то, что пожелает их глава, — совершенно невозможны никакие ошибки в Писании, — ошибки не только намеренные, но даже и такие, которые происходят от забывчивости⁶⁷»⁶⁸. Ученый отмечает: «По Августину, Священное Писание представляет из себя те досточтимые письма, которым суждено в продолжение стольких веков служить во благо и спасение всем народам, во всем мире своим божественным авторитетом рассеивать и ниспровергать всякие ложные учения⁶⁹; написано оно по внушению Духа Святого мужами

⁶⁰ Карташев А.В. Ветхозаветная библейская критика, Париж, 1947. С. 71

⁶¹ In Isa. I, I (M. LVI, 13).

⁶² In psalm. XLIV, 2 (M. LV, 184).

⁶³ Леонардов Д. Учение св. Иоанна Златоустого о боговдохновенности Библии. С. 405

⁶⁴ В дореволюционной богословской науке анонимные публикации были не редким явлением. Лишенные нездорового научного апломба русские богословы словно в дар Богу приносили свои труды самой высокой пробы. Так, например, подписывались такие корифеи, как Н.И. Барсов и В.В. Болотов.

⁶⁵ Enarr. In Psal. 144, 17

⁶⁶ Z. Учение блаженного Августина о богодухновенности Св. Писания. С. 79

⁶⁷ De cons. evang. Lib. II, с. 12

⁶⁸ Z. Учение блаженного Августина о богодухновенности Св. Писания. С. 85

⁶⁹ Confes. Lib. XП с. XXVI § 36.

богодухновенными, причем писатели священных книг не были только механическими орудиями Божественного Духа, а сознательно записывали то, что, по планам Божественного домостроительства, должно было сообщить людям. Но это сообщение органам Святого Духа — Священным писателям не было дано им в готовой форме: они сами должны были облекать божественные истины в соответствующие им словесные формы, хотя Дух Святой и предохранял их от неточностей и ошибок, которые могли вкрасться, благодаря человеческой слабости и несовершенствам»⁷⁰.

Также определяет учение блаж. Августина о богодухновенности Свящ. Писания и другой исследователь: «Мысль о непогрешимости Писания проводится с особой настойчивостью в сочинениях блаж. Августина»⁷¹. Ученый приводит слова самого Святого, словно обращенные к последователям «новой исагогики»: «*Titubabit fides, si divinarum scripturarum vacillet auctoritas (De doctr. chr. lib. I, c. 37)* — говорит блаж. Августин, т. е. поколеблется вера, если авторитет божественных писаний поколеблется. А этот авторитет поколеблется, если будет признано, что Писание не чуждо ошибок. „Если бы о божественных книгах, — говорит блаж. Августин, — было высказано ясно что-либо такое, чем обнаруживались бы в них ошибки, то за это хватились бы усердно противники истины и подвергли бы страшной опасности уязвленных диаволом (искушенных сомнением), говоря, что такой-то автор священной книги сказал неправду (*De sancta virginitate, c. 17*)". „Раз только, — говорит блаж. Августин в другом месте, — при столь великой высоте авторитета, в Писании будет признана некая ложь, то от него не останется ни одной частицы, которая бы не была понята — по свободному взгляду каждого — или как опасная для нравов, или невероятная по цели, или как намерение и дело лживого автора (*Epist 28, n. 3 ad Hieronim*)"»⁷².

Таково подлинное святоотеческое учение о богодухновенности Св. Писания, учение, излагаемое и дореволюционной отечественной библеистикой. Отметим, что наша библейская наука, несмотря на едкие замечания Карташева дала достаточно разработанное учение по данному предмету. Приведем его суть, не вдаваясь в подробности: «Дух Святой, руководивший священными писателями при начертании ими глаголов живота вечного, сообщал органам своего откровения готовые мысли; последние же, проникая ум и сердце писателей, делались как бы собственным достоянием и, таким образом, выходили из под их пера, будучи уже глубоко продуманы и прочувствованы священными писателями. Излагались эти мысли в различных человеческих формах, зависящих от воли писателей, хотя, несомненно последние таинственным воздействием Святого Духа и охранялись от тех неточностей в выражении и ошибок,

⁷⁰ Z. Учение блаженного Августина о богодухновенности Св. Писания. С. 91-92

⁷¹ X-а И. Учение блаженного Августина о богодухновенности Священного Писания. С. 108

⁷² X-а И. Учение блаженного Августина о богодухновенности Священного Писания. С. 110

которые так естественно могли быть допущены священными писателями. Отсюда нужно признать что вдохновение святых писателей простирались не только на мысль, но и на форму, поскольку последняя не отделима от первой»⁷³.

Заметим, что Халкидонский догмат, используемый прот. А. Менем для объяснения понятия «богодухновенности», говорит об образе соединения двух естеств во Христе и относится к уникальному и неповторимому в истории событию – Боговоплощению. Применять его, даже в качестве аналогии, во всей полноте к другим церковным явлениям не совсем корректно само по себе. Примером этого могут послужить недавние евхаристические споры⁷⁴. Халкидонский орос говорит о *нераздельном* соединении божества и человечества в Ипостаси Бога Слова. Насколько это может быть приложено к понятию «богодухновенности» даже в качестве аналогии?

Воцерковленные православные христиане, к числу которых, несомненно, принадлежал прот. А. Мень, каждое утро читают особые утренние молитвы, в число которых входит 50-й псалом, написанный пророком Давидом. Псалом этот входит в каноническую книгу Св. Писания - Псалтирь. Написан он по следующему поводу: псалмопевец Давид приносит Богу Израилеву слезное покаяние после двух смертных грехов – любодеяния с Вирсавией и последующего убийства ее мужа Урии (2 Цар. 11 глава). Неужели Дух Божий, присущий ему как пророку во время написания псалма, не отступил от него во время преступления? Можно предложить для «апологии» Халкидонского догмата в данном случае принять для пущей убедительности еще учение о богодухновенности «ex cathedra».

Однако непредвзятое приложение «халкидонской» аналогии к догмату богодухновенности как раз дает выводы прямо противоположные тем, которые приводятся в исследовании прот. А. Менья. Человеческое естество Спасителя, обоженное в самом воплощении, хотя и сохраняло присущую человечеству ограниченность, тем не менее, было недоступно для греха и

⁷³ Z. Учение блаженного Августина о богодухновенности Св. Писания. С. 73-74

⁷⁴ Некоторыми современными богословами в замен традиционного церковного учения о преложении-пресуществлении Св. Даров во время Литургии была предложена гипотеза о халкидонском восприятии непресуществленных хлеба и вина в Ипостась Бога-Слова. (См. Встреча, № 2 (23), с. 35-45). Ряд грубейших богословских ошибок, порожденные данного гипотезой (ошибочное определение ипостаси: ипостась – нечто самодвижное, а не очки или книга, которые называются экземпляром; хлеб и вино уже существуют до Литургии, а не получают свое существование в Ипостаси Бога-Слова; многоприродность Ипостаси Спасителя – божество, человечество, природа злака и вина) свидетельствуют о полной несостоятельности подобного богословского «открытия» и применения халкидонской терминологии для описания Таинства Евхаристии. Более подробный разбор данного заблуждения см. Заключение Синодальной Богословской комиссии по Совместному заявлению Православно-лютеранской комиссии по богословскому диалогу «Тайна Церкви: Святая Евхаристия в жизни Церкви» (Братислава, 2–9. 11. 2006) <http://theolcom.ru/doc/071225/zbr.pdf>

заблуждения. Как в этом контексте понимать «ошибки и анахронизмы» Св. Писания, о которых говорит Б.И. Сове? Правильнее было бы на месте прот. А. Меня говорить о теории Соловьева, Сове и Карташева как о досадной ошибке и анахронизме, чем протаскивать эту несостоятельную во всех отношениях и устаревшую теорию на олимп современной ему библеистики.

На основании слов профессора МДА С. Глаголева о том, что «божественная мысль в Библии изложена человеческим языком» прот. А. Мень отмечает: «Сочетание этих двух аспектов понималось в свете православного учения о синергизме небесного и земного». На наш взгляд, исследователь неудачно использует понятие «синергизма», которое в контексте вышеизложенного понимает как соработничество едва ли не равных величин, как некое партнерство. Однако подлинная синергия – понятие, выражающее подчинение человеческой воли Христа Спасителя Его божественной воли во всем. Именно о такой синергии в применении к догмату богодухновенности и говорит Св. Писание: «Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» (2Пет. 1:21). Здесь говорится, что воля Св. Духа – побудительная и *движущая* причина труда богодухновенных авторов. «Язык мой – трость скорописца», – так описывает свой труд сам Псалмопевец (Пс. 44, 2). Также выражает догмат Богодухновенности и Символ веры: Верую... в Духа Святого, глаголавшего пророки.

Разумеется, никто не отрицает индивидуальные особенности священных авторов, особенные, свойственные именно им выражения, их отличительный литературный стиль. Однако стоит твердо помнить, что Св. Писание – это слово Божие, а не слово человеческое. Прот. Сергей Антиминсов пишет: «Согласно православному учению, Библия – это слово Божие, то есть единственная в мире книга, автором которой является Сам Бог. Правда, каждая из составных частей Библии имеет и своего человеческого автора – пророка или апостола, но его роль сводится лишь к тому, чтобы «оформить», выразить на человеческом языке сообщаемое Святым Духом Божественное Откровение. У человеческого автора сохраняется свобода в выражении открываемых ему мыслей, от него не отнимается его человеческое знание, но вся эта «человеческая сторона» Библии подчинена Божественной. Святой апостол Павел подчеркивает, что Священное Писание – это именно слово Божие, а не слово человеческое (1Фес. 2:13). Идейное содержание ее принадлежит Богу, и лишь способ выражения мыслей – человеку. В этом и состоит принцип богодухновенности Библии. Принцип богодухновенности означает, что и при любых исследованиях Библии человеческий фактор должен быть подчинен Божественному. В Православии существует определенная дисциплина ума, культура мышления в понимании Библии. Ее основной закон – Священное

Писание может быть истолковано лишь в соответствии со Священным Преданием Церкви, в согласии с мнением святых отцов (19 правило VI Вселенского собора). И это не просто какая-то «узость», «деспотизм» мысли, или требование ревнивого мракобесия. Это естественное следствие принципа богодухновенности Священного Писания. Святой Дух через пророков и апостолов составил священные книги. Святой Дух через святых отцов и истолковал их. Всякие библейские исследования, не имеющие признания со стороны Церкви, поэтому неосновательны. Они, так сказать, лишены свидетельства со стороны автора Библии – Святого Духа, пребывающего в Церкви»⁷⁵.

А.В. Карташев пишет о «полноте действия естественной человеческой психики» в священных авторах. Мы согласны, что Св. Дух не вводил священных авторов в состоянии транса, затмевающего действие разума, хотя ап. Павел и пишет о явленных ему откровениях: «в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает (2Кор. 12:2). Однако вопрос о «естественной» человеческой психике дискуссионен. В раю Адам «слышал голос Бога, ходящего в раю» (Быт. 3:8), был преисполнен Божественной благодати, отличался крепостью и совершенством физических и душевных сил. Грех низпроверг эту первозданную красоту, стал универсальным явлением человеческой жизни. Поэтому, думается, было бы правильным говорить о просвещающем и освящающем действии Св. Духа на священных авторах, поднимающее действие в них человеческой психики выше естественной грани.

Действие такой «естественной», а точнее помраченной грехом психики, мы видим в утверждении Карташева о том, что сами пророки не понимали своих пророчеств. Неужели не понимал псалмопевец Давид о Ком он писал в Псалтири, или пророк Исайя, «ветхозаветный евангелист» сам не разумел поразительной точности описания обстоятельств жизни Спасителя, изложенных в его пророчествах. Чтобы не быть голословными, приведем соответствующее высказывание исследователя: «Разве знал Второицаия [Карташев отрицает единство авторства книги пророка Исайи – свящ. А.П.], прославляя близкого ему страдальца за Израиля, но прославляя его не как позитивист-патриот, а как пророк в свете мессианских упований, разве он знал, что в плане Божественной Премудрости, сопрягающей весь мир в таинственном единстве и гармонии частей и моментов, разве он знал, что его пищущая трость (херет), изображающая прообраз, уже чертит картины Голгофы, чеканя готовые речения для будущих евангелистов, "образов сбытие зрящих", очевидцев крестных мук Первообраза? "Яко овча на заклание ведеса и яко агнец пред стригущим его безгласен... И со беззаконными вменися... Той же язвен бысть за грехи наша и мучен бысть за

⁷⁵ Цитируется по изданию «О богословии протоиерея Александра Меня». М., Правило веры, 1993

беззакония наша... Язвою его мы исцелехом"! Равно, как и псалмопевец — автор 21-го псалма, разве знал он, что его литературный образ — "разделиша ризы моя себе и о одежде моей меташа жребий" — есть уже прообраз события голгофского? Разве он мог знать, что его начальный стих, в переложении на разговорный арамейский язык — "Эли, Эли лема шебактани — Боже мой, Боже мой, вскую оставил мя еси!" — в молитвенном вопле к Отцу будет повторять распятый Сын Божий? Только нам это открылось и раз навсегда поразило нас своим совпадением»⁷⁶.

А.В. Карташев старается применить ветхозаветные пророчества лишь к обстоятельствам жизни современных иудеев, не стесняясь при этом в выражениях: «Пророки же, как любящие отцы, педагоги и пастыри, всеми средствами включительно до элементарных, детски наглядных, юродивых, символических действий, старались *вдолбить* всем, даже самым глупым или строптивым, нужные им спасительные увещания и истины. Говорить преднамеренно загадочно и непонятно о вещах недоступных учимому народу, значило бы издеваться над слабым естественным разумом людей»⁷⁷. Нам сдается, что именно Карташев хочет «вдолбить» своим слушателям и читателям совершенно дикие и неприемлемые для православного человека идеи. Именно такой взгляд на вещи и должен быть признан «достоянием иудейского и консервативного протестантского богословия», о чем писал Б.И. Сове. И не только признан, но и отвергнут.

Заметим, что прот. А. Мень не совсем точно приводит слова А.В. Карташева: «Библия есть не только слово Божие, но и слово богочеловеческое». В оригинале стоит: «Библия есть не только слово Божие, но и *слово человеческое* в их гармоническом сочетании, точнее — слово богочеловеческое»⁷⁸. А если Библия — слово и человеческое, то законен последующий вывод Карташева: «Здесь без ереси уместны формулы антиохийского богословия: обитание Духа Божия в человеческой оболочке слова библейского, как в храме, без неслиянной и нераздельной ипостасности»⁷⁹. Напомним, что предтеча и один из главных богословов несторианства Феодор, еп. Мопсуестийский, учил о присущих Христу по человечеству греховных состояниях, о Его борьбе с действием греховных страстей, за что и был осужден отцами V Вселенского Собора. Как тут не вспомнить об «ошибках и анахронизмах» Священного Писания, о которых говорил Б.И. Сове.

Свящ. Г. Егоров замечает: «В своей книге «Вселенские соборы» Карташев всячески выгораживает Нестория, так что тот становится не еретиком, а просто жертвой непонимания со стороны святителя Кирилла и других

⁷⁶ Карташев А.В. Ветхозаветная библейская критика, Париж, 1947. С. 32-33

⁷⁷ Карташев А.В. Ветхозаветная библейская критика, Париж, 1947. С. 90

⁷⁸ Карташев А.В. Ветхозаветная библейская критика, Париж, 1947. С. 72

⁷⁹ Карташев А.В. Ветхозаветная библейская критика, Париж, 1947. С. 72

защитников православия»⁸⁰. Характерная симпатия. И напрасно Карташев пытается прикрыться именем замечательного русского догматиста еп. Сильвестра (Малеванского). Еп. Сильвестр пишет иное: «И если пророк открываемое Духом Божиим высказывал свойственным ему языком человеческим и под ограниченными образами доступных его сознанию представлений, то это не препятствовало ему сознавать, что *он высказывал здесь не свои мысли, а мысли Божии, не свои личные слова, а слова Господни*»⁸¹.

В. Церковность

Перейдем, наконец, к последнему заявленному фундаментальному принципу русской библеистики – ее церковности.

Под церковностью подразумевается рецепция Церкви того или иного явления церковной жизни, богословского положения, текста или библейской книги в-целом. Однако и здесь прот. Менем закладывается опасная тенденция. Он пишет: «Церковность русской библеистики не означает отказа от научности и историчности ... вначале многие русские библеисты относили к области догматической и научные вопросы атрибуции и хронологии священных книг. Но это мнение не получило общецерковной санкции и отвергалось рядом выдающихся экзегетов, в частности — представителями русской библейско-исторической школы. Они рассматривали проблемы авторства и датировок как подлежащие критической проверке и здесь опять-таки следовали патристике, поскольку у святых отцов существовали самые различные исагогические мнения. Дискуссии среди отцов об авторстве и времени написания библейских книг показывают, что они не придавали этим вопросам догматического значения»⁸².

На наш взгляд, проблема авторства и датировок ветхозаветных книг (также как и новозаветных) – вопрос отнюдь не второстепенного значения. На нем достаточно подробно останавливались толкователи Свящ. Писания, и некоторые их расхождения не носили характер принципиального разногласия. По крайней мере, нам неизвестно, чтобы кто-либо из святых отцов высказывал идею о времени происхождения Пятикнижия после Вавилонского пленения, как это делает Карташев, перекраивая тем самым всю библейскую науку! Вообще, говоря о церковности, нужно дать четкие критерии в чем эта церковность выражается.

⁸⁰ Егоров Г. Священное Писание Ветхого Завета. Курс лекций. М, Издательство ПСТГУ, 2011. С. 18-19

⁸¹ Еп. Сильвестръ, Догм. Бог. I, с. 286-287. Киевъ, 1884 г.

⁸² Прот. А. Мень. К истории русской православной библеистики // Богословские труды, № 28, с. 273

Архим. Рафаил (Карелин) пишет: «Внешним ориентиром Свящ. Предания являются те вероучительные истины, которые Церковь содержала везде и всегда.

Вторым принципом в познании истины является соборность Церкви, где хранителями веры всегда были церковная иерархия и народ в их единстве и ответственности каждого члена Церкви за чистоту веры.

Третий — постановления Соборов Вселенских и поместных, которые были приняты осознанием и полнотой всей Церкви, а также правила святых апостолов и святых Отцов, вошедшие в законодательства Церкви.

Четвертый принцип — согласие всех Отцов или большинства их по данному вопросу.

Пятый принцип — богослужение как ориентир богословия, при этом учитываются книги, вошедшие в общецерковный богослужебный устав, в "церковное предание".

Шестой принцип — древние Символы веры и Никео-Царьградский Символ, как их завершение.

Седьмой — символические книги и катехизисы, составленные, в основном, как раскрытие Символа веры.

Восьмой принцип — преемственность. Богословские труды, написанные в наше время, должны быть в согласии с богословами прошлых веков. Если линия преемственности прерывается, то богословие перестает быть потоком единой реки. Оно становится отражением гипотез, субъективных представлений авторов и становится недостоверным»⁸³.

На наш взгляд, «новая исагогика» потому и называется новой, что она лишена богословской преемственности. В ней все новое, построенное в лучшем случае на неудачных и ошибочных положениях авторитетных толкователей, а то и вовсе на основании собственных фантазий и заявлениях инославных библеистов. И если «новая исагогика» хочет именоваться не только "новой", но и церковной наукой, то именно согласие с церковным Преданием и должно быть взято ею за конечный критерий в разрешении исагогических вопросов, на какой бы частный ученый авторитет не опирались "новые" ответы на них.

⁸³ Рафаил (Карелин), архим. О современном неогностицизме (ответ Зайцеву А.А.). С. 60-61. <http://karelin-r.ru/newstrs/28/60.html>

К вопросу «о классиках»

В своем исследовании прот. Александр поставляет основоположниками русской библейской науки трех ученых: свт. Филарета (Дроздова), А.М. Бухарева и прот. Г. Павского⁸⁴. О последнем он пишет: «В русскую науку он ... вошел как классик»⁸⁵.

Архим. Феодор (Бухарев).
Литография. Нач. 60-х гг. XIX в.
(1824–1871)

Прот. Герасим Павский
(1787-1863)

Слово классик подразумевает, что данный автор является эталоном для своих последователей. И, если в отношении свт. Филарета, причисленного Церковью к лику святых, эта характеристика полностью соответствует действительности, то в отношении А.М. Бухарева (архим. Феодора), снявшего с себя сан и женившегося [его фундаментальный богословский труд — *Исследование Апокалипсиса* — был запрещен Синодом к изданию в 1862 году и впервые опубликован лишь в 1916 в Сергиевом Посаде. В своих сочинениях Бухарев рассматривал проблемы соотношения богословского и философского опытов, считая что опыт новейшей рационалистической философии (Фихте, Шеллинг, Гегель) не чужд христианству и может быть «возвращен» к Христу]⁸⁶, и прот. Г. Павского, отвергавшего классические мессианские места в своих переводах (за что и был преследуем Синодом), отрицавшего единство авторства книг прор. Исаяи и прор. Захарии, видящего в Песни Песней буквальный аспект, связанный с темой земной любви, наименование «классик» едва ли соответствует действительности. Этим двух последних ученых скорее можно назвать «пионерами» на ниве библейской науке, причем, зачастую, не всегда

⁸⁴ Прот. А. Мень. К истории русской православной библеистики // Богословские труды, № 28, с. 277

⁸⁵ Прот. А. Мень. К истории русской православной библеистики // Богословские труды, № 28, с. 277

⁸⁶ Энциклопедия «Кругосвет». Бухарев Александр Матвеевич.

http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/filosofiya/BUHAREV_ALEKSANDR_MATVEEVICH.html

удачными. По крайней мере, именно церковности и не хватает в их богословских изысканиях, той самой церковности, о принципиальном значении которой и писал прот. А. Мень.

Если говорить о «классиках» библейской науки, то наряду со светлым именем свт. Филарета, на наш взгляд, привильнее было бы вписать имена двух других замечательных русских библеистов: Ивана Николаевича Корсунского (1849-1899) и Павла Александровича Юнгера (1856-1921)⁸⁷.

Свт. Филарет, митр. Московский
(1782-1867)

И.Н. Корсунский
(1849-1899)

П.А. Юнгер
(1856-1921)

О П.А. Юнгере, оставившем после себя многочисленные переводы ветхозаветных книг Свящ. Писания и фундаментальные библейские исследования, сохранились интересные воспоминания: этот муж великой учености на коленях с благоговением читал Псалтирь, испрашивая, возможно, Божия благословения на свои библейские труды. Именно такого благоговения и богословской чуткости, недостающей подчас представителям «новой исагогики», и хотелось бы пожелать всем добросовестным исследователям на благодатной библейской ниве.

⁸⁷ Кафедрой библеистики МДА были выпущены компакт-диски «Библейская экзегетика» М., 2006 и «Библейские исследования» М., 2007, где собраны сочинения замечательных русских библеистов: Н.Н. Глубоковского, прот. Н. Елеонского, А.А. Олесницкого, В.П. Рыбинского, И.Н. Корсунского, А.П. Лопухина, П.А. Юнгера.